

Комсомольская оппозиционная партия самоликвидировалась без уведомления компетентных органов о самороспуске.

Мои студенческие годы промчались бурно и бестолково. В активе — приятельские отношения с несколькими высокопоставленными менеджерами крупнейшей российской частной вертикально интегрированной нефтяной компании. Вспомнит ли кто из них, как назывались наши стройотряды в Средней Усьве или Суходоле? В пассиве — незарегистрированное изобретение, презентованное в дипломном проекте. На кафедре тогда настойчиво зазывали в прикладную науку. Но я уже распределился в проектно-конструкторское бюро «Гипрохиммонтаж»: старший инженер, оклад 113 «рэ» — что ещё нужно советскому человеку, чтобы встретить старость?

Наша прежняя компания не распалась, но перешла в клубный формат. В выходные по утрам бадминтон в школьном спортзале: личное первенство, парный мужской турнир, миксты со студентками из фарминститута. К 12 часам — на обед в «Неву» (в «Невку»), где по тем временам недурно готовили говядину с черносливом. По настроению могли остаться в «Неве» на ужин. До революции, если верить слухам, в здании ресторана на улице Куйбышева размещалось заведение с «красными

фонарями». А может, мы сами сочинили такую байку, чтобы изначально задать остроты и пикантности случайным ресторанным знакомствам. Уходить из «клуба» без симпатичного эскорта считалось моветоном.

Шутки ради улица Куйбышева была переименована нами в улицу Пепеляева — в честь белого генерала, устроившего в Перми в декабре 1918-го то, что в историографии трактуется не иначе как «пермская катастрофа». Комсомольский проспект стал проспектом адмирала Колчака. В градостроительном бедламе центра города (точнее, там, где он должен быть) вместо привычных Советской, Большевикской etc. возникли улицы Деникина, Врангеля, Атамана Семёнова. Исключение было сделано для улицы Краснова — герой Великой Отечественной войны всё-таки, да и фамилия звучная.

«Ускоряться» и тем более «перестраиваться» на идеологической платформе КПСС было нелепо. Единственное, что казалось более-менее стоящим, так это гласность. Влад закончил «хождение в народ» (потеряв при этом приличную заводскую зарплату) и в 1987 году боролся за демократию в госархиве. Я официально вышел из комсомола, демонстративно уведя за собой политически индифферентную «первичку» проектно-конструкторского бюро. На экстренном партсобрании «Гипрохим-

монтажа» увещевания старших товарищей и третьего секретаря райкома комсомола перевесил мой эмоциональный спич об экологическом бедствии в Перми («Вечёрка» только что опубликовала наделавшую шума статью «Тучи над головой»).

В журналистику в том же 1987 году мы пришли со случайно попавшимся мне сборником ранних уральских повестей Гайдара (спустя 60 лет там была переиздана «Жизнь ни во что. Лбовщина») и ворохом воспоминаний старых пермских большевиков, рассекречиванием которых занимался в госархиве Влад. В преддверии 70-летия Великого Октября мы взялись реанимировать из исторического забвения одну из самых одиозных фигур Прикамья — беспартийного террориста Александра Лбова. Но Главлит (цензурный орган был вездесущ), вероятно, придерживался особого мнения относительно этой тёмной истории. И первый наш совместный материал о лбовщине, составленный из отрывков воспоминаний очевидцев, несмотря на положительные отзывы пермских историков, бесследно канул в редакционном портфеле «Вечерней Перми».

Но нас уже было не остановить. Началось глубокое «погружение» в лбовщину. Попутно мы уличили в неточности автора близкой по теме биографической заметки в «Комсо-